

Дарья ДОНЦОВА: В «Вечерке» из меня сделали профессионала

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

С «Вечерней Москвой» связаны судьбы многих талантливых людей. Именно на ее страницах увидели свет некоторые рассказы Алексея Толстого, Валентина Катаева; здесь начинал свою «руководящую карьеру» в журналистике Михаил Кольцов. С «Вечеркой» дружили М. Горький, К. Федин, Э. Багрицкий, И. Ильф, Е. Петров... И вообще, «славу писателю делает «Вечерка», как заметил однажды В. Маяковский.

А сегодня мы публикуем отрывки из мемуаров автора популярных иронических детективов Дарьи Донцовой, вышедших в издательстве «ЭКСМО», относящиеся к очень непростому, но очень интересному периоду ее (тогда еще Груни Васильевой) работы в «Вечерней Москве».

Муж моей сестры, Владимир Николаевич Ягодкин, в 1977 году уже оказался на пенсии. Он болел диабетом и поэтому рано ушел с работы. Последнее, что он успел сделать для меня, — пристроить в газету «Вечерняя Москва» корреспондентом на гонорарной оплате. Мне не дали постоянного оклада. Что натапаешь, то и полопаешь, журналиста ноги кормят — это про корреспондента на гонорарной оплате. Получает он деньги лишь за опубликованные статьи и все. Сотрудники, сидевшие на твердом окладе, были намного богаче. Вообще говоря, они могли ничего не писать, валять весь месяц ваньку, но два раза в месяц, пятого и пятнадцатого числа, подойти к кассе и получить свои сто двадцать рублей. Если же им еще выписывался и гонорар, то сумма вознаграждения возрастала на сорок-пятьдесят целковых.

Я же получала только целковые, без оклада.

Очень хорошо помню свой первый день в «Вечерке». Меня привели в отдел информации и являю пред светлые очи заведующего Володи Пахомова. Володе было тогда сорок лет с гаком, мне двадцать пять.

Пахомов, толстый, лысый, мрачный, страшно похожий на бегемота, пожевал губами и сказал:

— Ну... не знаю, чем ты тут станешь заниматься... Начальству видней... ладно, привели — работай. Только прописаться надо.

Я сгоняла в магазин, купила водки и немудреной закуски. Сотрудники тщательно заперли дверь, разлили «огненную воду» и выжидательно уставились на новенькую.

— Э... забубнила я, — понимаете, я вообще не могу пить! Ни капли.

Повисла нехорошая тишина, я просто видела, как в мозгу у будущих коллег бьется лишь одна мысль: стучачку подсунили, сейчас хлопнем, разговоришься, а эта дрянь понесется в первый отдел с доносом.

Понимая, что делать нечего, я схватила стакан и заявила:

— Ладно, сейчас опрокину его на

ваших глазах, сами поймете!

Горячая струя пронеслась по пищеводу, упала в желудок, больше ничего не помню. Потом присутствующие рассказали, что, сделав глоток, я сильно поблдедела, поставила стакан на стол и без всяких звуков свалилась со стула на пол.

Больше Грушеньке никогда не давали пить, на всех праздниках я глотала «Буратино».

— Хорошо иметь в отделе трезвенницу, — радовался Пахомов, — и посуду уберет, и нас прикроет в случае чего...

Пили в «Вечерке» по-черному. Главные алконавты скопились в нашем отделе. Впрочем, в других подразделениях их тоже хватало. На каждой летучке заместитель редактора Михаил Козырев, убежденный сторонник трезвого образа жизни, раздражался гневным спичем, обливающим выпивох. Отчего-то его речь всегда начиналась словами:

— В моем доме винный магазин! И кого же я вижу там в очереди? Только наших сотрудников! Это безобразие... Ля-ля-ля...

Козырев жил в двух шагах от редакции, и винный магазин в «Вечерке» иначе как «Мишкин дом» не называли.

Большим любителем выпить был и легенда советской журналистики, ответственный секретарь газеты Сева Шевцов. Сева пил коньяк, наливал его в стакан, бросал туда чайную ложку и прихлебывал спиртное, как чай.

Газета выходила каждый день, и у меня очень скоро возникло ощущение мыши, попавшей в мясорубку. Чтобы заработать шестьдесят рублей в месяц, требовалось писать в каждый номер. Сейчас корреспонденты могут сотрудничать сразу во многих изданиях, тогда это запрещалось.

Вот и приходилось крутиться колесом, добывая информацию. Никто мне никаких поблажек не делал, на юный возраст внимания не обращал и как мать-одиночку не жалел.

Денег у меня не было никогда. А те, что попадали в руки, улетали на Аркашку. Маленький мальчик стремительно рвал ботинки, сшивал брючки и хотел игрушки. Помощи ждать было неоткуда, бабушка и мама сами были нищие, словно церковные крысы... И потом, во мне неожиданно подняла голову польская гордыня. Проснулись гены дедушки Стефана. Я просто не могла никому сказать, как мне плохо, отчего-то казалось стыдным жаловаться. Бедность моя в тот период была такова, что картошку приходилось покупать не килограммами, а на счет.

■ ■ ■

Осенью и весной я носила жуткие коричневые ботинки, которые коллеги по «Вечерке» называли «чемоданы».

— Отчего бы тебе не купить себе сапоги? — недоумевала очень обеспеченная, вся из себя разодетая Марина М. — Сейчас есть вполне приличная советская обувь!

Сама Марина, жена преуспевающего режиссера, не испытывала материальных трудностей, а мне не хотелось говорить ей правду, поэтому я презрительно морщила нос и заявляла:

— Много ты понимаешь! Такие ботинки на пике моды! Да они стоили мне двести рублей! Италия! Фирма!

Когда сотрудники отдела информации отправлялись в столовую, я оставалась за столом. Комплексный обед стоил сущую ерунду, пятьдесят копеек, но он был мне не по карману. Если же Нелли М., вполне обеспеченная, благополучная замужняя женщина, начинала приставать ко мне со словами: «Пошли перекусим! Эй, чего сидишь, вставай!» — я, чтобы она отвязалась, фыркала: «Фу! В столовке жуткая гадость! Не могу такое есть, лучше попозже зайду в Дом литераторов, в ресторан!»

Потом, где-то часа в три, когда столовая пуста, я прибегала туда, хватала пару кусков хлеба, который давали бесплатно, и, сказав кассирше: «Вот черт, решила бутербродиков похочмячить, колбаску с сыром нарезала, а батон прихватить забыла», — уносила назад.

Хлеб я быстренько съедала в коридоре и со счастливым выражением на лице возвращалась в комнату. Самое интересное, что окружающие мне верили. Груню Васильеву в «Вечерке» считали вполне обеспеченной писательской дочкой с легкой придурью в голове.

■ ■ ■

Наверное, я притворялась весьма успешно, потому что ко мне как-то раз подошла одна дама из отдела литературы и искусства. Понизив голос, она спросила:

— Груня, не хочешь купить шубу? Я привезла дочери каракулевого манто, да просчиталась с размером, ей мало, тебе как раз будет.

Я моментально отреагировала: — Каракуль — старческий мех, я предпочитаю норку, люблю пушистое.

Дама кивнула: — С твоими объемами можно надеть все!

Это было правдой, я весила в те годы сорок два килограмма.

***

Несмотря на все трудности, я вспоминаю «Вечернюю Москву» с благодарностью и всегда говорю, что профессионального журналиста из меня сделали именно там. Люди, работающие в ежедневном издании,

«Мои многочисленные родные не раз становились прототипами героев моих романов»

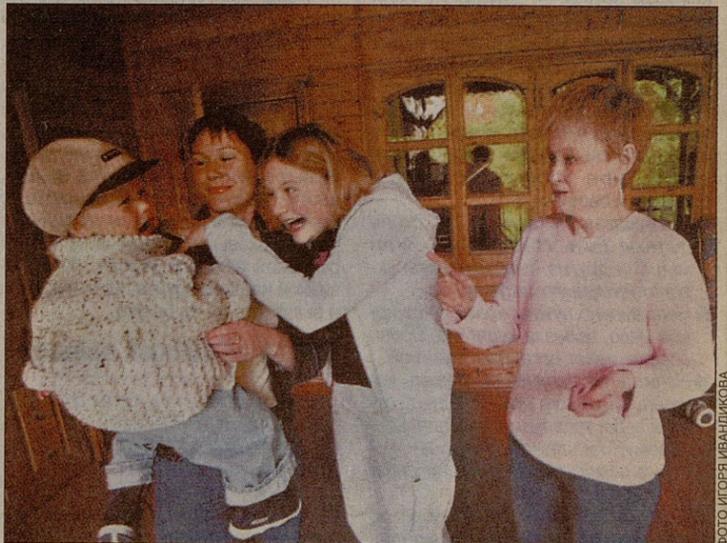

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

очень хорошо знают: выпускать подобную газету очень тяжело, а самый сумасшедший отдел тот, который обязан поставлять новости, все эти маленькие заметочки, начинающиеся словом «сегодня». Я не писала очерков и рецензий на театральные постановки. Нет, высунув язык, я носилась по Москве, «нарывая» информацию. Столицу изучила вдоль и поперек, людей повидала немерено, интервью брала в жутких количествах.

■ ■ ■

«Вечерка» научила меня работать. Володя Пахомов вбил мне в голову несколько постулатов.

— Имей в виду, раззява, — учил он меня, — опаздывать нельзя, если встреча назначена на пятнадцать часов, это не четверть четвертого и не половина третьего. Всегда тщательно проверяй информацию, визируй статью. Если берешь интервью, то в момент разговора старайся полюбить собеседника, он это обязательно почувствует и станет откровенным. Не перебивай, дай человеку выговориться.

После очередной тирады Вова хватал мою заметку и начинал орудовать ручкой, вычеркивая целые абзацы.

— Краткость — сестра таланта, — бормотал он.

Я только вздыхала, получив пять строчек, оставшиеся от трехстраничной заметки. Спорить с Пахомовым было нельзя, он моментально краснел и орал:

— Пошла вон!

Вот так и придумывались рецепты для «Кулинарной книги»

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

Но, несмотря на противный характер и ярко выраженную любовь к алкоголю, Володя был настоящим, очень талантливым журналистом, меня он обучал старательно, применяя только один известный ему метод воспитания — розги. Доставалось мне по любому поводу. Не нашла информацию — идиотка, плохо написала материал — дура, трепалась в коридоре с коллегами — лентяйка.

Приходя домой, я падала на диван и рыдала от обиды. Но именно Вова пошел к главному редактору и уговорил того брать меня временно на оклад, когда кто-то из сотрудников уходил в отпуск. Именно Вова бросил мне на стол пару пирожков из столовой и бурчал:

— Вот черт, обожрался, эти не влезли. Засунь их в шкаф, кто-нибудь слопает с чаем.

Только Вова, обозвав меня идиоткой, дурой и лентяйкой, выписывал мне за трехстрочную заметку гонорар в десять рублей, а потом лаялся в бухгалтерии, когда там не желали платить такую огромную сумму за крошечную информацию. Порой он доводил меня до истерики своими придирками, но именно Володя сделал из меня профессионального журналиста, и я всегда вспоминаю его с благодарностью.

«Вечерка» семидесятых — это особое место. Газета «Вечерняя Москва» стояла особняком среди прочих партийных советских изданий. Ее приносили москвичам после восемнадцати часов, и городской комитет партии разрешал допускать на страницы некоторые вольности. Первая и вторая полосы заполнялись официозом, третья посвящалась культуре и рассказам о москвичах, а вот на четвертой по пятницам печатали юморески, милые рассказы, допустим, о новых жителях зоопарка, кулинарные рецепты и кроссворды. Тираж у «Вечерки» был огромным, ее расхватывали в мгновение ока, и я очень гордилась, что служу крохотным винтиком в этой машине прессы.

Одно обидно — я хорошо понимала, что никакого карьерного роста ждать не приходится, у меня было сразу три отрицательных качества: Груня Васильева принадлежала к женскому полу, не являлась членом партии и имела на руках ребенка при полном отсутствии мужа. Женщина с подобной анкетой в те годы никаких шансов для успешного взлета вверх по служебной лестнице в прессе не имела.

8.01.2004

Донцова Дарья

Впрочем, в «Вечерке» нашелся один человек, который решил проявить обо мне заботу, член редколлегии Илья Львович П., мужчина в возрасте, если не сказать старый, опытный, заслуженный сотрудник, имевший влияние на главного редактора Семена Давыдовича Индурского.

В кабинет к Индурскому я заходила крайне редко, не царское это дело — разговаривать с корреспондентами на гонорарной оплате, а вот к П. я частенько забегала с гранками в руках.

Как-то раз Илья Львович спросил: — Наверное, хочешь попасть в штат?

Я кивнула:

— Очень.

— Ты девочка старательная, — забубнил Илья Львович, — помогу тебе, поговорю с Семеном Давыдовичем.

Я уже хотела начать подобострастно благодарить старика, но тут внезапно почувствовала, как его рука скользнула под мою юбочку.

— Обязательно попроси Индурского помочь. Ты ведь будешь хорошей девочкой?

К сожалению, среди многих моих недостатков есть и такой: я человек несдержанный, сначала делаю что-то и только потом думаю, как следовало поступить в данном конкретном случае.

Вот и в тот день мои руки оказались быстрее ума. Я схватила телефонный аппарат и со всего размаху треснула им П. по макушке. Илья Львович по-бабьи взвизгнул и отпустил мою попу, я вылетела в коридор, тяжело дыша от возмущения.

На следующий день, торопясь на работу, я влетела в лифт и обнаружила в кабине Илью Львовича. Выскакивать назад показалось глупо, да и подъемник уже пополз вверх. Я вжалась в пол.

П. неожиданно улыбнулся:

— Здравствуй, Грушенька!

— Э... доброе утро, — пролепетала я, пораженная его приветливостью.

Через пять минут, на летучке, Илья Львович принялся нахваливать меня. Я отыскала глазами Давида, тот незаметно подмигнул.

Естественно, сразу после собрания я понеслась к Гаю.

— Что ты сделал с Илюхой?

— А просто сказал, что ты спишь с Н.

Н был куратором «Вечерней Москвы» в городском комитете партии, и я пришла в полный ужас:

— Ты с ума сошел!

Додик отшвырнул карандаш:

— Вообще нет! Илюха дикий трус, а Н об этом никогда не узнает!

Но кроме противного Ильи Львовича в «Вечерке» служило много хороших людей, отличных журналистов и добрых товарищей. Тот же Давид Гай или Сафи Александрович Акжигитов. Сафи пристроил меня подрабатывать на радио, походя объяснив, как следует писать информацию, чтобы она хорошо звучала в эфире. В соседней комнате сидела веселая, красивая, очень добрая и невероятно талантливая Наташа Синякова, у нее всегда можно было перехватить три рубля до получки. Были заведующий отделом науки Рубен Багирян и его сотрудница Лена Цыганкова, которые, узнав о том, что

«В компании мопсов я могу писать новую книгу сутками»

Да, мне нужны деньги, давно мечтаю о постоянной ставке, но получить ее таким путем не могу. Дело не в моральных принципах, многие из моих знакомых актрис, произнося фразу: «Путь на экран лежит через диван», спокойно ныряли в койку к режиссеру.. Я их понимала и никогда не осуждала, но сама на это не могла решиться. Наверное, это у меня от мамы.

■■■

П. оказался злопамятным. Сталкиваясь со мной в коридоре, он отворачивался, на редакционной летучке обрушивался на меня с гневными отповедями, снимал материалы с подписью «Васильева» из номера, одним словом, мстил, как умел.

— Что ты сделала Илюхе? — поинтересовался один раз заместитель Пахомова Давид Гай. — Почему он тебя сожрать готов?

Я рассказала Додику про сцену с телефоном. Гай захихикал:

— Да уж! Ладно, не дрейфь, я помогу.

Аркашка серьезно заболел, без всяких просьб с моей стороны мгновенно бросились на помощь и устроили ребенка в лучшую клинику. В отделе писем работала Света Комиссарова и Лена Митько, постоянно наливавшие мне остродефицитного кофе. Таня Харламова часто кричала мне на ходу:

— Грунька, сегодня прекрасно выглядишь.

А на летучках я старалась сесть поближе к Жанне Авязовой и Нелли Горячевой. Если кто-то из начальства набрасывался на меня, хрупкая, миниатюрная Жанна сквозь зубы шептала:

— Наплюй и разотри. Не ошибается только тот, кто не работает.

Алла Стойнова, Дина Абрамова, Всеволод Шевцов, Юра Иванов, Нелли Маринич, Оля Никольская. Я помню их всех, я не забыла того хорошего, что они для меня сделали, и всегда говорю:

— Я из «Вечерней Москвы», это там меня превратили в профессионального журналиста.

2052